

Т.Ю. СИДОРИНА

Особенности человеческой деятельности в современную эпоху. Чем занять человека?*

Автор рассматривает ряд вопросов: соответствует ли современный труд его классическому пониманию? Как трансформировался этот социальный феномен, как трансформировалось отношение к нему, определявшее жизнь индивида и общества на протяжении столетий? Какие изменения в образе жизни современного человека могут стать следствием перемен в его трудовой деятельности?

Ключевые слова: труд, общество, потребление, досуг, государство.

The author examines a number of issues. Does the contemporary work corresponds with classical understanding? How this social phenomenon and attitude to it transformed in centuries periods? What changes in the lifestyle of modern man may be caused by changes in his working life?

Keywords: labor, society, consumption, leisure, government.

Современное понимание труда во многом определено характером индустриальной эпохи, при описании которой задействовались такие понятия, как труд, производитель и т.д., характеризующие человека как человека работающего. В свою очередь, в обществе второй половины XX в. на передний план выходит потребитель. Для этой социальной роли труд, производственная деятельность не являются определяющими. Вопрос, который представляется одним из важнейших для современного человечества, – как будет жить и сможет ли жить человечество в условиях возможного “конца труда” в его классическом понимании. Симптомы этого феномена вызвали довольно активную дискуссию среди философов, экономистов, социологов. Этот феномен можно рассматривать как следствие научно-технического, информационного развития общества, но также и как следствие массовизации и наступления эпохи потребления [Сидорина, 2007; Сидорина, Поляников, Филатов, 2008].

Рассматривая особенности современного трудового процесса, мы оказываемся в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, современный работник страдает от перегруженности и переутомления (*overwork culture*) [Bunting, 2004], с другой – безработица все также остается одной из основных социальных проблем. Кроме того, складывается ситуация, когда, освободившись от сверхзанятости (в условиях гибкого рабочего графика, сокращенного рабочего дня, практики фриланса и пр.), человек не

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Концепт “труд” как объект социально-философского анализа: исторические трансформации» (проект № 13-03-00032).

знает, чем занять свободное время. Поэтому в постановке вопроса о будущем труда и работающего человека мы должны принимать во внимание все указанные аспекты.

Перспектива будущего в условиях конца труда или без труда представляется утопической, учитывая стандарты современного общества (установку на образование, карьерный рост). Вопрос же “чем занять человека?” с позиций сегодняшнего дня вступает в противоречие с распространенной психологической зависимостью от труда, хотя, в принципе, далеко не лишен смысла.

Обратим внимание, что феномен конца труда прежде всего относится к определенной и вне всякого сомнения исторически преходящей форме организации трудовой деятельности – “наемному рабству” [Джохадзе, 2004, с. 13]. Свобода, утверждал К. Маркс, “начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью” [Маркс, 1962, с. 386]. Когда труд носит принудительный и односторонний характер, когда он служит лишь средством для поддержания существования, он исключает свободу.

”Идея отмены труда кажется утопичной, – пишет И. Джохадзе, – но только на первый взгляд. В действительности никакие объективные факторы, кроме социальной апатии наемных рабов и коллективного суеверного страха перед реформами, не препятствуют трансформации нынешней системы организации производства в пост-лейбористскую экономику”. Он ссылается на Х. Арендт, согласно которой «современное общество вполне созрело для такой трансформации, готово освободить себя от оков труда. Однако освобождение от труда (Aufhebung) – задача не экономическая (не в первую очередь, во всяком случае), а экзистенциальная. Социальной реформе должна предшествовать “революция духа” – перестройка сознания человека, его представлений о смысле и целях жизни. Это касается прежде всего отношения homo faber’a к труду. На смену господствующей экономической мотивации жизнедеятельности, естественной для человека труда, должна прийти пост-материалистическая ориентация на продуктивное, но не целерациональное действие, предполагающее абстрагирование от экономического интереса» [Джохадзе, 2004, с. 4, 14].

Сложно предположить масштабы потрясения, которое ожидает человечество. «До сих пор человечество жило в эпоху труда, – писал французский философ-персоналист Э. Мунье. – Труд, даже если он вынужденный, является для большинства людей исключительно крепкой опорой, так что во время досуга они окажутся выбитыми из колеи, опустошенными. Вероятно, и мы уже это ощущаем, машина сможет положить конец эпохе труда: рано или поздно – какая разница – нам придется платить долги. Каждый, пусть даже в безотчетной тревоге, спрашивает себя: “Что мы будем делать, когда нам нечего будет делать?”» [Мунье, 1999, с. 433].

Что может государство? Опыт истории

Но если все-таки допустить вероятность освобождения человечества от столь тягостных оков труда, окажется ли человек способным самостоятельно сформировать образ жизни, свободный от трудового регламента и трудовой зависимости? Любая новая деятельность требует приложения усилий в овладении необходимыми навыками. Даже отказ от привычного образа жизни дается далеко не просто, приходится заставлять себя учиться жить по-новому и делать что-то новое. Способен ли человек самостоятельно обрести новые организующие принципы существования? Или ему потребуется помощь?

О. Уайльд в работе “Душа человека при социализме” (1891) писал: “Нужда и нищета парализует природу человека, он деградирует, и класс бедняков не сознает того, что страдает. Им нужна подсказка, но они часто ей не верят... Когда в конце войны за отмену рабства в Америке рабы оказались на воле, они стали настолько свободны, что умирали с голоду, горько оплакивая свою новую участь. Для мыслящего человека самым трагическим фактом во всей французской революции было не убийство короле-

вы Марии Антуанетты, а то, что голодающий крестьянин шел умирать за феодализм” [Уайльд, 2000, с. 232].

В XX в. зависимость от труда также парализует человека, при этом он свято верит, что труд его необходим обществу, корпорации, государству. Можно сказать, что человек также деградирует, он также не осознает, что он страдает и от чего страдает. И так же как рабы в Америке не понимали, что принесло им освобождение, как многие русские крепостные не знали, как им жить после 1861 г., так и современный человек держится за труд, как раб за своего господина. В большинстве своем люди не хотят жить лучше, они хотят жить так, как привыкли. По-видимому, необходимы некие кардинальные меры для преодоления подобной зависимости.

Кто мог бы осуществить эти культуртрегерские функции? Государство, Церковь, капитал? Широко известны примеры участия государства в решении острых социальных проблем. Так, в 1930-х гг. в условиях мирового экономического кризиса рынок труда не справлялся с обеспечением занятости. В США, СССР, Германии государства стали инициаторами грандиозных программ трудоустройства населения. Эти программы и их эффективность могут оцениваться по-разному, однако их проведение не могло не сказаться на общем уровне жизни и развитии экономики названных стран.

Исторический опыт организации и привлечения к трудовой деятельности сотен тысяч людей показал, каковы возможности государства. Почему бы и в данном случае государству не взять на себя разработку и проведение программ формирования нового образа жизни?

Л. Мамфорд сравнивал государство с “мегамашиной” [Мамфорд, 2001]. Надо сказать, что это сравнение имеет как негативную, так, возможно, и позитивную окраску. На протяжении столетий государство в его тоталитарной ипостаси использовало труд и управляло им. Мегамашина государства может привести к гигантским разрушениям, уничтожению огромных масс людей, но может и осуществлять великие проекты. Можно ли ожидать, что государство предпримет шаги к освобождению индивида от труда?

Тоталитарная обусловленность труда

Ответ на этот вопрос мы находим в работах Г. Маркузе, предложившего один из наиболее радикальных подходов к анализу труда и трудовых отношений в эпоху технической и технократической экспансии, технологического, индустриального, массового общества. Его теория складывалась под влиянием идей З. Фрейда и К. Маркса. “Труд, который заложил материальный базис человечества, – писал философ, – был, главным образом, отчужденным трудом, связанным со страданием и нуждой. Таким же остается он и по сей день. Вряд ли выполнение такой работы удовлетворяет индивидуальные потребности и склонности. Она навязана человеку жестокой необходимостью и грубой силой” [Маркузе, 2003, с. 84].

Говоря о роли труда в современном мире, Маркузе обращается к цепочке “господство – восстание – господство”, неоднократно повторяющейся в теории Фрейда. Он отмечает, что во втором случае господство – не просто повторение первого; циклическое движение означает прогресс господства. От праотца – через клан братьев – к системе институциональной власти, характерной для зрелой цивилизации, господство приобретает черты безличности, объективности, универсальности и становится все более рациональным, эффективным и производительным. В конечном счете, когда власть принципа производительности достигает полной силы, само социальное разделение труда выглядит образцовой формой подчинения. Общество предстает как устойчивая и обширная система полезных производительных деятельностей. “Разумеется, – пишет Маркузе, – основную регламентацию инстинктов все еще выполняет отец как *pater familias*, тем самым подготавливая ребенка к избыточному подавлению со стороны общества в течение его взрослой жизни... Впоследствии контроль за инстинктами индивида осуществляется посредством социального использования его

трудовой энергии. Он должен работать, чтобы жить, и эта работа требует не только восьми, десяти, двенадцати часов его времени ежедневно, а, следовательно, и соответствующего отвращения энергии, но также и поведения, которое в течение этого и остающегося времени согласовалось бы с моральными и другими нормами принципа производительности” [Маркузе, 2003, с. 84].

Развитие иерархической системы социального труда не только рационализирует господство, но и служит “сдерживанию” бунта против господства. Наличные ресурсы способствуют качественному изменению человеческих потребностей. Сокращая количество энергии инстинктов, необходимой для работы (отчужденный труд), рационализация и механизация труда высвобождают энергию для достижения целей, устанавливаемых свободной игрой человеческих способностей. Технология, поскольку она сокращает временные затраты на производство предметов необходимости, действует вопреки репрессивному использованию энергии и тем самым освобождает время для развития потребностей, выходящих за пределы царства необходимости. Но чем реальнее возможность освобождения индивида от запретов, когда-то находивших оправдание в его нужде и незрелости, тем сильнее необходимость в их (запретов) сохранении и совершенствовании во избежание распада установившегося порядка.

Согласно Маркузе, “цивилизации приходится защищаться от призрака свободного мира. Если общество не способно использовать свою растущую производительность для уменьшения подавления (ибо это опрокинуло бы иерархию *status quo*), то следует повернуть производительность против индивидов. Она сама становится инструментом универсального контроля. Индустриальная цивилизация переживает распространение тоталитаризма. Он приходит везде, где интересы господства начинают преобладать над производительностью, сдерживая ее возможности или изменяя направление их реализации” [Маркузе, 2003].

Труд среди видов деятельности

Итак, если государство (как показывает опыт истории) способно организовать тотальное трудоустройство, то организовывать новый образ жизни индивид скорее всего должен самостоятельно. Вернемся к вопросу о том, чем будет заниматься человек в условиях, когда ему уже не надо работать сверхурочно и значительная часть его времени окажется свободной?

Очевиден ответ, что освободившееся время человек может потратить на свои семейные обязанности, воспитание детей, заботу о близких. Однако далеко не все обременены семейными обязанностями, да и далеко не все захотят сменить рабочий кабинет на кухню. “В индустриальном обществе, – пишет А. Шевчук, – люди в основном использовали свободное время для восстановления сил после утомительного рабочего дня. Что люди станут делать в будущем, когда в их распоряжении окажется еще больше свободного времени, а количество часов работы заметно сократится? Где будут сконцентрированы центральные жизненные интересы человека, если его профессиональная занятость (вынужденно или по доброй воле) составит 20–30 часов в неделю?.. На пути в новое общество человека подстерегают опасности. Что будет организующим и дисциплинирующим началом его жизни вместо труда? Не ослабит ли сопротивление сомнительным соблазнам жизни: алкоголю, наркотикам, преступности? Не произойдет ли подмена созидательной деятельности потребительством?” [Шевчук, 2007, с. 52–53].

Следует вспомнить, что труд – лишь один из видов деятельности. Существует концепция, согласно которой помимо труда существуют управление и творчество. То есть далеко не все люди занимаются трудом в собственном смысле этого слова: кто-то управляет, а кто-то творит. С этими видами деятельности, согласно исследователям, как раз и следовало бы связывать надежды в условиях “конца труда в его классическом понимании”. Осмысление признаков человеческой активности в последние годы все чаще связывается с понятием “творчество”. Правомерно ли противопоставлять творчество труду?

Творчество как антроподицея. Н. Бердяев посвятил проблеме творчества работу “Смысл творчества. Опыт оправдания человека” (1916). Время ее написания отмечено кризисным мировосприятием, что обусловило идейный настрой рассуждений философа, который считал “Смысл творчества” самым вдохновенным своим произведением. “В жизненном источнике этой книги и этой религиозной философии, – писал он во введении к работе, – заложено совершенно исключительное, царственное чувствование человека... наступает пора писать *оправдание человека – антроподицею*... Книга моя и есть опыт антроподицеи через творчество. В мире разлагается и кончается религия рода, религия материальная. Все материально-родовое, ветхо-органическое имеет футуристически-технический, механический конец. Зарождается религия человека. Человеческий род перерождается в человечество. Это переход в иной план бытия из плана материального. В этом кризисе рода и материи и в окончательном рождении человека и жизни духа – сущность нашей эпохи” [Бердяев, 1989, с. 261].

Согласно Бердяеву, «человек создан Творцом гениальным (не непременно гением) и гениальность должен раскрыть в себе творческой активностью, победить все лично-эгоистическое и лично-самолюбивое, всякий страх собственной гибели, всякую оглядку на других... Сомнение в творческой силе человека всегда есть самолюбивая рефлексия и болезненное ячество. Смирение и сомневающаяся скромность там, где нужна дерзновенная уверенность и решимость, всегда есть замаскированное метафизическое самолюбие, рефлектирующая оглядка и эгоистическая отъединенность, порождение страха и ужаса.

Наступают времена в жизни человечества, когда оно должно помочь само себе, сознав, что отсутствие трансцендентной помощи не есть беспомощность, ибо бесконечную имманентную помощь найдет человек в себе самом, если дерзнет раскрыть в себе творческим актом все силы Бога и мира, мира подлинного в свободе от “мира” призрачного» [Бердяев, 1989, с. 256].

Творчество как призвание. Еще один ракурс творчества как деятельности развивает М. Вебер, обращаясь к особенностям научного творчества в области науки, поясняя, что без увлечения и страсти деятельность ученого невозможна: «Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что “должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут”, удастся ли тебе твоя догадка, – без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [Вебер, 1990, с. 708].

Для Вебера страсть как увлеченность – необходимое условие занятия наукой и предварительное условие самого главного, что необходимо для научной деятельности – “вдохновения”. Он говорит о необходимости творческого компонента не только для деятельности в области науки, но и вообще для любого вида деятельности: «Было бы заблуждением полагать, что только в науке дело обстоит подобным образом, и что, например, в конторе все происходит иначе, чем в лаборатории. Коммерсанту или крупному промышленнику без “коммерческой фантазии”, т.е. без выдумки – гениальной выдумки, – лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений. Вдохновение отнюдь не играет в науке... большей роли, чем в практической жизни, где действует современный предприниматель. И с другой стороны... оно играет здесь не меньшую роль, чем в искусстве... Обоих (художника и ученого. – Т.С.) отличает упоение (в смысле платоновского “экстаза”) и “вдохновение”» [Вебер, 1990, с. 710].

В современном мире наука перестает быть уделом талантливых одиночек, и в бизнесе далеко не все операции проводятся на основе вдохновения, и далеко не каждый предприниматель – творец. Однако идея Вебера важна именно в понимании того, что наибольшей результативности любая деятельность достигает тогда, когда она окрашена вдохновением, когда в ней присутствуют увлечение и страсть. Тогда человек делает свое дело с интересом, работа не тяготит его, и это уже не мука, а любовь.

Коммуникация как образ жизни

От альтернативы “труд–творчество” перейдем к рассмотрению иных видов деятельности, способных составить смысл и содержание человеческой жизни. Одним из таковых представляется общение¹. Общение как альтернатива труду согласно соответствующей статье энциклопедического словаря “Психология общения” (2011), “сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми (межличностное общение) и группами (межгрупповое общение), порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя как минимум три различных процесса: коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера)”. Деятельность в этом слове также определяется как “процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект удовлетворяет какие-либо свои потребности, достигает цели”, а потому “деятельностью можно назвать любую активность человека, которой он сам придает некоторый смысл”. Отсюда – обращение к общению как одному из видов деятельности, только уже как взаимодействию субъекта с субъектом, представляется допустимым.

Эта проблематика исследовалась в рамках так называемого деятельностного подхода. В. Лекторский пишет, что деятельностный подход был весьма популярен в СССР как своеобразный способ противостояния официально насаждавшемуся марксизму-ленинизму [Лекторский, 2006, с. 114]. Своеобразной версией деятельностного подхода, указывает Лекторский, можно считать немецкое неокантианство марбургской школы, проблематика деятельности была центральной для разных версий неогегельянства; по-своему эта тематика развивалась в прагматизме в 1920–1930-е гг.

Новый этап разработки психологической теории деятельности был намечен в последних работах В. Давыдова, в его теории коллективной деятельности. Предлагаемое в рамках этой теории иное понимание деятельности оказывается сегодня весьма актуальным. Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, то есть такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим, и в результате которого оба они изменяются. Понятая таким образом деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношениях человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге [Лекторский, 2001].

Два “труженника”

Однако, размышляя о будущем труда, нельзя не затронуть еще один аспект темы. Для его иллюстрации я обращусь к двум известным историям. Одна из них принадлежит перу уральского сказочника, вторая – французскому философу-экзистенциалисту.

Персонаж сказа П. Бажова “Живинка в деле” переменял в своей жизни много профессий, и никакая из них ему не полюбилась так, чтобы остаться при этом ремесле на всю жизнь. В конце концов, решил он пойти в углежог. Первым делом он озабочился, “чтобы было, у кого поучиться. Выбирал, значит, мастера. По угольному делу считался тогда в большой славе дедушка Нефед”. Вот этот мастер ему и растолковал, что во всяком деле есть живинка (то есть некий секрет, магическая пружинка, которая открывает смысл выбранного дела), которая помогает довести работу до совершенства. Герой сказа нашел свою живинку и полюбил колоть дрова – прищурится, увидит живинку (или особые ловкие точки, как называл их дедушка Нефед) и знает, куда

¹ Безусловно, я не предлагаю заменить трудовую или какую-либо иную деятельность общением, хотя часть времени можно посвятить и этому.

топором ударить, где лучше полено расколется. “Теперь, брат, никуда не уйдешь, – поспеивался старик, – поймала тебя живинка, до смерти не отпустит... Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастера бежит и человека за собой тянет” [Бажов, 1980, с. 251, 253].

Работа это или нет, труд или не труд? Существует ли живинка на самом деле или это плод воображения? Это особый вопрос. Бажов в своем сказе показывает, что к работе нужно подходить с интересом, творчески. Напомню, что прежде чем увлечься ремеслом углежога, герой повествования переменял множество профессий. Ему было интересно узнавать новое, изучать разные ремесла. Земляки посмеивались над этой причудой. Что за прихоть такая? Сегодня он плотник, а завтра конюх. Не берусь гадать, какую идею преследовал автор, а может быть, он просто описывал известный ему эпизод из жизни уральских мастеров. Но о перемене видов деятельности писали еще Т. Мор и А. Сен-Симон.

Дабы не утратить остроту творческого восприятия деятельности, индивиду нужна свобода выбора сферы приложения собственных усилий. В подтверждение сказанному приведу тезис К. Ясперса, что “в дни, когда ученый не способен к творчеству, он вполне может писать рецензии и консультировать” [Ясперс, 1991, с. 123].

Но кто же второй герой? “Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд”, – так начинается свое эссе “Миф о Сизифе” А. Камю, выбирая труд из всех возможных иллюстраций абсурдного действия. “Сизиф – абсурдный герой, – пишет философ. – Такой он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений – он вынужден бесцельно напрягать силы” [Камю, 1988, с. 352].

Миф о Сизифе – характерный пример современного восприятия труда: “Мы можем представить только напряженное тело, сиюминутно подняв огромный камень, покатав его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень руки с измазанными землей ладонями. В результате долгих и размеренных усилий, в пространстве без неба, во времени без начала и до конца, цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновения камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз” [Камю, 1988, с. 352–353].

Согласно Камю, такова жизнь современного рабочего, и его судьба не менее трагична. Сам же он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращается сознание, способность мыслить. Но эта способность возвращается к нему лишь на короткие минуты, мгновения, да и то, как представляется, эти мгновения могут и не наступать. Человек утрачивает способность мыслить, рассуждать, он тупо выполняет работу, которая приносит ему средства для удовлетворения потребности.

На этом сходстве Сизифа и современного рабочего заканчивается. Камю пишет, что Сизиф интересуется его во время паузы после падения камня: “Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня... Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает во время спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение” [Камю, 1988, с. 353].

Согласно Камю, в этом радость Сизифа. Он – победитель! “Я оставляю Сизифа у подножия его горы! – пишет Камю. – Ноша всегда найдется. Но Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ни-

чтожной. Каждая крупница камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым” [Камя, 1988, с. 354].

Вряд ли стоит считать, что современный рабочий обретает счастье и радость в своем монотонном ежедневном многочасовом труде. И вряд ли в этом стоит уподоблять его Сизифу. Современный рабочий вряд ли может и вряд ли будет искать “живинку” в своем деле, поскольку работа на конвейере не предполагает свободы выбора. Здесь все задано, запрограммировано, продумано кем-то другим. Это работа от звонка и до звонка, где инициатива и индивидуальные способности не востребованы, где человек может реализовать себя лишь в качестве некоего технического приспособления.

Существование без труда таит в себе опасность

И все же: каковы перспективы человеческого существования в условиях сокращения рабочего времени, освобождения от тягот труда? Исследователи рассуждают о том, что в большинстве своем люди, оставшись без организующей их время работы, не могут занять себя. В этом смысле техника, освобождая человека, оставляет его перед вопросом “что делать?”, на который далеко не все могут ответить, как не могут найти и альтернативное труду занятие. “Большинство людей верит не только в то, что техника берет на себя часть работы, облегчая жизнь человека, но и в то, что вследствие этого облегчения человек приобретает больше времени для досуга и любимых занятий по своему собственному выбору” [Юнгер, 2002, с. 17].

Каким же будет общество, освобожденное от труда? Х. Арендт воспроизводит предсказание Маркса (которое признает верным) об “отмирании” публичной сферы при условии несдерживаемого развития производительных сил общества, а также предсказание о том, что обобществившееся трудящееся животное использует свой избыток свободного времени и, стало быть, свое частичное освобождение от труда не на то, чтобы обратиться к свободе публичного мира, а растратит свое свободное время в основном на приватные и безотносительные миру прихоти, носящие теперь у нас название хобби [Арендт, 2000, с. 150–151].

Арендт уточняет, что в коммунистическом или социалистическом обществе, по Марксу, все профессии вырождаются во времяпрепровождение типа хобби. Это позволило бы людям “сегодня делать это, завтра то, с утра охотиться, после обеда критиковать, к чему у меня лежит душа; но не становясь (профессионально. – Т.С.) охотником, рыбаком, пастухом или критиком... Ибо в коммунистическом обществе нет художников, а есть самое большее люди, которые среди прочего занимаются также и живописью” [Арендт, 2000, с. 150–151].

Однако, соглашаясь в целом с данной позицией, Арендт высказывает предположение, что «избавление от тягот труда, от иных трудностей (как утопическая идея, даже будучи осуществленной), не изменит пожирающего характера биологического жизненного процесса, но даже усилит его, так что в итоге освобожденный от всех целей род человеческий сможет каждодневно растрчивать целый мир, будучи в состоянии каждодневно же воспроизводить его заново... Вся опасность предстоящей автоматизации заключается далеко не столько в угрозе природной жизни со стороны механизации и технизации, сколько, наоборот, в том, что именно “искусства” человека, а с ними его настоящая производительность, могут просто утонуть в чудовищно интенсифицированном жизненном процессе» [Арендт, 2000, с. 169–170].

Каковы перспективы осуществления утопической идеи о будущем в отсутствии труда? «Великая надежда, – пишет Арендт, – воодушевлявшая Маркса и лучших деятелей рабочего движения во всех странах, что свободное время избавит, наконец, людей от нужды, и animal laborans станет, наконец, производительным, покоится на иллюзиях механистического мировоззрения, полагающих, что рабочая сила, подобно всякой другой энергии, никогда не может исчезнуть и потому нерастрченная на тяготы жизни и не истощенная, автоматически высвободится для “высшего”... Сто лет

спустя после Маркса ложность этого умозаключения нам даже слишком ясна: *animal laborans* никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит» [Арендт, 2000, с. 171].

Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод: *человеческое существование в отсутствие труда таит в себе опасность, поскольку, теряя труд, мы теряем необходимость, которая движет нами*. Поскольку на данный момент основные условия жизни человека на земле остаются прежними, как бы ни облегчило его существование введение технических новаций, труд как деятельность все так же, как и в древности, находится под давлением необходимости, и человеческая жизнь все так же не избавлена от теснящей неотступности жизненных нужд. Соответственно, в условиях сохранения основных условий жизни на земле, люди могут быть свободны, лишь когда знают о необходимости и чувствуют ее груз на своих плечах. Когда работа станет настолько легкой, что перестанет быть проклятием, возникнет опасность, что ни у кого не будет желания избавиться от необходимости, то есть люди поддадутся ее насилию даже не зная, что их насилуют [Арендт, 2000, с. 154–155].

Проблема досуга

Так кто же прав? Арендт, для которой хобби – один из символов общества потребления, или Маркс, мечтавший, что освободившийся от труда человек сможет предаваться любимым занятиям. Допустим, свершилось чудо, и человек свободен в выборе образа жизни. Что он сможет противопоставить труду? Мы уже говорили о возможных альтернативах – общении, творчестве и т.д. А может ли альтернативой труду стать отдых? “Подлинный отдых, – пишет Мунье, – это быющая ключом активность, более существенная для человека, чем труд (чтобы не сказать более нормальная в тех условиях, естественно, в которые он поставлен)” [Мунье, 1999, с. 146].

Понятие “отдых” тесно связано с понятиями “покой” и “досуга”. Сравним несколько трактовок этих понятий, предлагаемых известными толковыми словарями. В “Толковом словаре живого великорусского языка” В. Даля понятие “отдых” означает: *“отдохнуть, покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами. || Покоиться, спать, почивать, особенно днем после обеда. Отдохнем да перекусим. И голове надо отдохнуть, не только рукам. Зимой вся природа отдыхает. Отдыхает, на боку лежа...”*. В Толковом словаре русского языка С. Ожегова и Н. Шведовой читаем: “Отдых, -а, м. Проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил. Нужен о. кому-н. На отдыхе кто-н. (в отпуске). На заслуженном отдыхе кто-н. (на пенсии). Дом отдыха (стационарное учреждение для восстановления сил, укрепления здоровья). Ни отдыху, ни сроку не давать кому (разг.) – не давать ни минуты отдыха, передышки”.

“Покой”, согласно Далю, – “состоянье бездействия, в веществен. и духовн. знач.; косность, косненье, недвижность; отдых, роздых; мир и тишина, безмятежное состоянье; отсутствие возмущенья, тревоги. Покой тела, вещи, предмета, недвижность, косненье, равновесие всех на него действующих сил. Покой живого тела, полное ослабленье своих движущих сил, с подчиненьем его одному тяготенью. Покой духа, души, может быть двоякий: покой ума, где мышленью дан роздых, оно не напрягается, а носится по воле, и покой сердца, воли, совести, затишье нравственное, невозмущенный страстями быт. От ребят покоя нет. Ночной покой природы. Покоем мир крепок, а смутами гинет. Ни день, ни ночь покоя не знаем”. У Ожегова и Шведовой: “Покой, -я, м. 1. Состояние относительной неподвижности, отсутствия движения (спец.). 2. Состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствия беспокойства. Больному нужен п. Нет покоя от соседей. Оставить кого-н. в покое (не беспокоить)... Удалиться на п. или жить на покое (к старости перестать служить, работать; устар.)”.

И наконец, понятие “досуг” получает в словаре Даля следующее толкование: “Досуг м. свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела. *На досуге, на досугах*. В свободное от дела время... *Досужный человек, пора*, свободный от дел,

занятий. Досужливый мало занятый, часто свободный от дела... Досужиться, найти себе свободное время, досуг, удосуживаться. Досужничать, отдыхать или гулять, не работать. Досужествовать, заниматься временно по найму мастерством, ремеслом”.

Даже в первом приближении очевидно, что перечисленные понятия содержательно отличаются. При этом сами их трактовки далеко не однозначные. Так, понятие “отдых”, с одной стороны, в привычном, расхожем понимании – безмятежное состояние, отсутствие беспокойства, восстановление сил. С другой стороны, это свободное от работы время, посвященное мастерству. В особенности такая неоднозначность касается понятий “досуг” и “досужество”, трактуемых и как ученье, мастерство.

Поставим вопрос немного иначе. Если противоположностью времени, занятому на работе, является свободное время, то как человек им распоряжается? Арендт отмечает, что отношение к свободному времени и его проведению ныне существенно изменилось по отношению к античной эпохе: «Решающим для современного свободного времени является то, что оно сэкономлено рабочим временем и служит потреблению, тогда как это понятие в античности означало намеренное воздержание от всех видов деятельности, связанных с голым поддержанием жизни, от деятельности потребления не в меньшей мере, чем от деятельности труда... Пробным камнем античного “досуга” в его отличии от современного остается знаменитая бережливость, отличавшая греческую жизнь в классический период. Слишком большое богатство, равно как и нищета, были подозрительны, потому что оба мешали досугу, богатство – соблазнами потребления, а нищета – необходимостью труда. Здесь характерно нерасположение, с каким греки относились к морской торговле, более всего прочего отвечавшей за благосостояние в Афинах. Платон, следуя Гесиоду, рекомендовал, например, основывать новые города-государства вдали от моря» [Арендт, 2000. с. 169].

В эпоху технической экспансии, полагает Ф. Юнгер, “человек постоянно испытывает давление времени и сужающегося пространства. Подчиняясь диктату механического времени, он неизбежно стремится выиграть время, то есть какую-то меру механически отсчитанного времени, запас которого у него не безграничен и которое он поэтому вынужден экономить. Это и заставляет его конструировать новые механизмы, которые будут работать быстрее, чем уже существующие. *Мучительная тоска по свободному времени* (курсив мой.– Т.С.) – чувство, характерное для каждого человека, впряженного в колесницу этой аппаратуры; однако для него так же характерна неспособность распорядиться этим свободным временем каким-либо иным способом, не связанным с его механическим отсчетом” [Юнгер, 2002, с. 20].

Так, досуг и занятия по собственному выбору суть состояния, доступные далеко не каждому. Человек, частично освобожденный от лишней работы, не обретает способности с пользой употреблять свой досуг и посвящать свободное время занятиям по собственному выбору. Досуг не равнозначен ничегонеделанью. Досуг – условие всякой свободной мысли, всякой свободной деятельности, и потому лишь немногие обладают способностью к досугу. Большинство же, получив прибавку свободного времени, способны лишь на то, чтобы только убивать это время. “Не каждый рожден для свободного занятия, – пишет Юнгер, – в противном случае мир был бы устроен иначе и был бы совсем не похож на тот, что мы видим сейчас” [Юнгер, 2002, с. 20].

Чем занять человека?

Известная поговорка гласит: “Выйти замуж – не напасть, как бы замужем не пропасть!”. Не пропасть бы, освободившемуся от труда человеку. Приведу результаты одного из опросов Фонда общественного мнения, посвященного проблеме досуга россиян. Социологи интересовались, как проводят свое свободное время те, у кого оно есть? “Любимым увлечением, занятием в свободное время россияне чаще всего называют телевизор. Молодые предпочитают всем другим занятиям общение с друзьями, люди с высшим образованием любят читать, люди с высокими доходами одинаково увлеченно смотрят телевизор и общаются с друзьями” [Досуг... 2012].

Вспомним цепочку “господство–восстание–господство”. Согласно Маркузе, в современном мире “рациональность господства достигла момента, когда она начинает угрожать собственным основаниям, людей следует держать в состоянии постоянной мобилизации, как внешней, так и внутренней. Необходимо изыскать более действенные способы ее утверждения, чем когда-либо прежде... Защита состоит в усилении способов контроля не столько над влечениями, а, главным образом, над сознанием, ибо, оставленное без внимания, оно может разглядеть во все более полном удовлетворении потребностей – репрессию²” [Маркузе, 2003, с. 92].

Манипулирование сознанием в условиях тоталитарной и массовой культур использует разнообразные методы, включая координирование частной и публичной жизни, спонтанных и вынуждаемых реакций. Яркие примеры этой тенденции – индустрия бездумного времяпрепровождения и триумф антиинтеллектуальных идеологий. “Высокий жизненный стандарт в мире крупных корпораций, – пишет Маркузе, – ограничен в конкретном социологическом смысле: товары и услуги, покупаемые индивидами, контролируют их потребности и тормозят развитие их способностей. В обмен на удобства, наполняющие их жизнь, индивиды продают не только свой труд, но и свое свободное время... В их распоряжении многочисленные альтернативы и многочисленные приспособления, которые все выполняют одну и ту же функцию: поддерживать их занятость и отвлекать их внимание от реальной проблемы – сознания того, что они могут меньше работать и самостоятельно определять собственные потребности и способы их удовлетворения” [Маркузе, 2003, с. 92].

Только не надо опять прятаться за вопросом – а что делать? Мы приняли в качестве альтернативы труду и вариантов досуга то, что предложило/навязало общество потребления. Желая предотвратить опасность происходящего, необходимо обратиться к поискам иных решений. Нам навязали труд, мыльные оперы и игровые автоматы, и мы больше ничего не хотим, потому что нужны усилия, чтобы найти другой путь и другой образ жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х.* Vita active, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
Бажов П.П. Уральские сказы. М., 1980.
Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
Вебер М. Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.
Джохадзе И. Homo faber и будущее труда // *Логос.* 2004. № 6.
Досуг россиян: развлечения и увлечения // Еженедельный опрос “ФОМнибус” 15–16 декабря 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов.
Камю А. Избранное. М., 1988.
Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // *Вопросы философии.* 2001. № 2.
Лекторский В.А. Наследие деятельностного подхода и современность // *Альманах “Восток”.* 2006. № 3 (39).
Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001.
Маркс К. Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. М., 1962.
Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.
Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
Сидорина Т.Ю. Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // *ОНС.* 2007. № 3.
Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л., Филатов В.П. Феномен свободы в условиях глобализации. М., 2008.
Уайльд О. Душа человека при социализме // *Уайльд О.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., 2000.
Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // *ОНС.* 2007. № 3.
Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002.
Ясперс К. Истоки истории и ее цель // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
Bunting M. Willing Slaves: How the Overwork Culture is Ruling Our Lives. London, 2004.

² Репрессия в психологии – защитный механизм психики.